

Надежда Андреевна Бахтина

О семействе Нарбутов...

*Скудеет времени запас
И дорог день и дорог час
И возраста давляет время,
И продолжается рассказ
О времени, вошедшем в нас,
О нас, впечатанных во время...*

Лев Озеров

Предисловие

Когда тебе 76 лет, нелегко из ослабевшей памяти воскрешать залежи прошлого. Но когда чувствуешь необходимость оставить что-то своим потомкам – нет ничего невозможного. Рискну! Буду писать о том, что придет на память, без хронологического порядка, без плана. Прошлое тонет в тумане вечности. С годами туман все гуще. Из всех перипетий моей жизни постараюсь написать о том, что дорого, помня, что человеку свойственно забывать плохое, помнить о хорошем.

Весной 1997 года познакомилась с милой, удивительно приятной дамой – Эммой Владимировной Рубцовой. Узнав, что мой дедушка был Нарбут, Эмма Владимировна любезно пригласила меня посетить в одну из суббот собрание Уральского генеалогического общества, где дала мне прочесть небольшую брошюру из библиотеки общества «Нарбуты Тверской губернии. Родословные росписи». Собрание шло своим чередом, я сидела в сторонке, листая эту книжку, без всякой уверенности что-либо в ней найти, и вдруг... О радости! Прочла о своем дедушке – Нарбуте Владимире Дмитриевиче, о бабушке – Нарбут Софии Константиновне и о их старшей дочери – Зое.

Дедушка Владимир Дмитриевич относился к IX колему рода. Далее в книжке было написано, что автору, А. Н. Нарбуту было нелегко восстановить продолжение этого рода в XX веке и что он будет благодарен тем, кто напишет ему о дальнейшей судьбе потомков этого рода. Не откладывая дело в долгий ящик, я подробно написала о дедушке и его семье: куда эмигрировали, где жили, когда умерли.

В книжке А. Н. Нарбута о Нарбутах начальная часть от No 1 до No 60 составлена в основном по Н. Чернявскому и по материалам РГИА.

Жизнь в России

У моего прапрадедушки – Нарбута Федора Федоровича было 7 сыновей (только один из них был штатским). Вторым по старшинству был Федор, будущий контр-адмирал, пятым – Дмитрий – отец моего дедушки. Помню, в детстве слышала от дедушки, что его дядя храбро воевал, но в личной жизни был несчастлив и одинок, что почти все мужчины (мои предки) были военными, что и А. В. Суворов был в родстве с фамилией Нарбут.

Нарбут Федор Федорович (дедушкин дядя) был морским офицером. За участие в Синопском сражении – награжден орденом св. Анны. В боях за Севастополь ранен – награжден орденом св. Владимира. В 1885 году произведен в контр-адмиралы. Ушел в отставку. Все время жил в Севастополе, там же и умер. Его имя высечено на гранитной плите, где перечислены все герои – защитники Севастополя в Крымскую войну.

Дедушкина судьба скромнее. Отец его – Дмитрий Федорович Нарбут – небогатый помещик, в молодости был военным, дослужился до капитана. Был женат на простой женщине (не дворянке) Елене Ивановне. У них было трое детей: Павел, Владимир и Надежда. Рано умер. Дедушка Владимир Дмитриевич родился 30. 01. 1873 г. в родовом имении под Нижним Новгородом, женился рано, в 20 лет, на Соболевской Софии Константиновне. От этого брака родилось 5 детей: Зоя, Вера (моя мама), Кира, Игорь и Юрий. Все дети родились в Петербурге. Дедушка преподавал в Главном

Артиллерийском Управлении артиллерию и высшую математику.

В 1907 году семья переехала в Оренбург – у дедушки были слабые легкие, и врачи посоветовали сменить гнилой петербургский климат, полечиться кумысом. В Оренбурге погиб младший сын Нарбутов – Юрий. Купаясь в реке, он заплыл в глубокое место, стал тонуть на глазах сестер и брата. Плавать никто не умел. Дети стали кричать. Один офицер, бывший на берегу, в одежде бросился в воду, но быстрое течение уносило мальчика все дальше и дальше. Спасти его не удалось.

После дедушку перевели в Киев. Мама окончила там гимназию, а дядя Игорь учился во Владимирском кадетском корпусе. По возвращении семьи в Петроград дедушка служил начальником поверочной части. Имел прекрасную квартиру, прислугу, свой выезд. Когда началась Февральская революция, дедушка, хотя политикой никогда не занимался, в душе ее приветствовал. Бабушка была другого мнения.

Началась осень 1917 года. Жизнь становилась с каждым днем все тяжелее. Тревоги и сомнения усугубляла петроградская осень со всеми ее «прелестями». Прислуга становилась дерзкой. Личная горничная бабушки перестала называть ее «барыней» и иногда нарочито громко кричала кухарке или кучеру: «Софья велела!..» Бабушке, с ее гордым и властным характером, слышать такое было невыносимо.

Город наводнили серые солдатские массы, плохо разбиравшиеся в политических баталиях того времени. По ночам отряды разбойничавших вооруженных матросов пугали редких прохожих. Петроград стал неузнаваем: заплыванный, грязный, покрытый подсолнечной шелухой. На Невском разношерстная толпа, заколоченные двери и витрины магазинов. Тусклое освещение. Грубая речь, сквернословие...

Пишу о том времени, о котором так много уже написано, но СТРАШНЕЕ Николая Агнивцева (эмигрантского поэта) никто не написал:

Был день и час, когда уныло

Вмешавшись в шумную толпу

Краюшка хлеба погрозила

Александрийскому столпу...

Как хохотали переулки,

Проспекты, улицы... И вдруг,

Пред трехкопеечную булкой

Склонился весь Санкт-Петербург...

Вздохнули старые палаццо...

И, потоптавшись у колонн,

Пошел на Невский продаваться

Весь блеск прадедовских времен.

Голод... Страх... Зыбкость положения обеспеченной генеральской семьи. Продуктов становилось все меньше. Практически и за большие деньги трудно было что-то купить. Печенье к чаю пекли из муки, сделанной из картофельных очистков с сахарином. Надо было прокормить большую семью, платить жалование прислуге. Уволили кучера, бабушкину горничную. Дедушка ездил на службу в конке или в переполненном трамвае, где ежедневно выслушивал очень нелестные и даже оскорбительные замечания в свой адрес. Мама устроилась работать машинисткой в канцелярию морского штаба, хотя печатала плохо, не было навыка. Мама рассказывала уже потом, в Харбине, как они с младшей сестрой Киной одевались попроще, повязывали головы простыми платками и без бабушкиного позволения украдкой бегали на базар менять свои девичьи вещички на картошку.

Не могли бабушка с дедушкой пойти продавать свои вещи. Коммерческой жилки ни у кого и никогда не было в нашей семье. Я уверена, что бабушка готова была голодать, но не стоять на Невском, продавая старинные кружева и севрский фарфор. В эти дни она больше всех страдала. И тут дедушке предложили должность директора большого химического завода. Отличное жалование, продуктовые карточки, плюс к этому (что в это время считалось чуть ли не самым главным) – мандат на неприкосновенность его самого, его семьи и имущества. Дедушка, к своему большому сожалению,

проработал там недолго... Из-за бабушки. Хотя она должна была понимать, что дедушка, работая на этом заводе, становился персоной неприкосновенной, но бабушка не хотела понимать. Поведи она себя иначе, семье, возможно, не пришлось бы эмигрировать.

Случилось вот что: однажды под вечер кухарка со своей дочерью стали собираться, не спросив бабушкиного разрешения, на митинг. Бабушка сделала ей замечание, что, дескать, надо бы было сначала сварить к ужину пшеничную кашу, спросить разрешения, а потом уже отправляться на митинг. На что кухарка ей злобно ответила: «Сама сваришь! Не велика барыня!» Этого бабушка не вынесла. Началась истерика... Придя со службы, дедушка испугался, стал бабушку успокаивать и, так как всегда был в подчинении у любимого «Котика» (как он ласково называл жену), пообещал, что они непременно уедут из этого города, ставшего бабушке невыносимым. (Позднее дедушка признавался, что будь его воля – он никогда бы из Петрограда не уехал.) Перед отъездом из Петрограда переехали в Лесное, в городок Политехнического Института, в дом профессора Ратцика, дедушкиного родственника, впоследствии расстрелянного большевиками.

В феврале 1918 года дедушка с семьей эвакуировался с Главным Артиллерийским Управлением в Самару. Осенью 1918 семья переехала в Омск, где дедушка стал директором I-го Сибирского кадетского корпуса имени Александра I. Осенью 1919 года адмирал Колчак перевел весь корпус и военные училища на Русский остров, близ Владивостока, где дедушка продолжал быть директором. Жил с женой, двумя дочерьми – Верой и Кирой, и с сыном Игорем. Старшая дочь Зоя к тому времени уже вышла замуж и жила отдельно. Французский язык в корпусе преподавал француз Андрей Андреевич д'Авогур, ставший вскоре маминым мужем. Это был веселый, «громко-общительный», как называл его дедушка, человек.

Как папа попал во Владивосток – не знаю. (Возможно, в потоке людей, испугавшихся революции.) Но и на Дальнем Востоке наступали тревожные времена. Белое войско несло колоссальные потери. Сам дух «белого братства» терял свое первоначальное значение. Антанта придерживалась своих меркантильных соображений, потеряв интерес к несчастной России. Надежда на отступление красных и на освобождение от них Сибири была потеряна. Мерзлы, голодали солдаты, страдал народ...

Кого только тогда не было во Владивостоке: японцы, французы, англичане... Генералов – тьма («царского производства» – мало, больше «новоиспеченных»). Атаманы, вожди... Кипели военные страсти. Красная Армия подступала к последнему оплоту белых – Владивостоку. Надо было спасти жизни.

Итак, последние дни на родной земле. Была Великая Россия. Была Родина. Когда живешь в ней постоянно – не ценишь, а потерять ее страшно. Дедушка очень тяжело переживал вынужденное расставание с Родиной. Позднее, в Шанхае, он говорил, что тогда чувствовал: «Это – как большую часть живого сердца оставить в залитой кровью и злобой стране... но своей, родной, ... любимой и в поражении, и в позоре...» Эти слова я запомнила на всю жизнь.

Дедушка очень волновался за сына, молодого, «новоиспеченного» юнкера, который храбро воевал в рядах белой армии. Выездные документы были заранее оформлены, а дяде Игорю на все эти хлопоты оставалось только два дня. Китайскую визу он оформил в один день, а когда с отцом пришел в соответствующее русское учреждение, там отказались дать нужный документ, мотивируя тем, что не сегодня - завтра придут красные. Тогда дедушка вынул револьвер и сказал, что если не красные, то он – русский генерал, их расстреляет. Угроза подействовала, чиновники, струсив, выдали документ. Удивительно дяде Игорю было тогда, как это дедушка, такой добрый, гуманный человек (в душе пацифист) пошел на такую крайность – грозить оружием... Но поступи он не так решительно, сын, определенно, попал бы в большевистские руки и погиб.

Билеты были куплены на трех человек. Мама была на последнем месяце беременности. Кира тоже ждала ребенка. Муж ее твердо заявил, что из России никуда не уедет. Так что уезжающая семья Нарбутов сократилась до трех человек.

Дядя Игорь воевал, а уже надо было грузиться на последний уходящий в Китай английский пароход «Lorestan», до отказа заполненный офицерами и их семьями. Ждать больше не имело смысла. Решили грузиться. Вещей было: два чемодана у дедушки и болонка Булечка у бабушки, запрятанная во что-то. Багаж, который должен был нести дядя Игорь, так и остался во Владивостоке. Грузиться помогали казаки, на трапе казачий и английский офицеры проверяли документы. Давка была ужасная... Еле-еле протиснулись на палубу. Бабушке стало плохо, ее, по распоряжению капитана, чуть ли не руках отнесли в офицерскую каюту. Дедушка остался на палубе, нагруженный тяжелыми чемоданами и Булечкой. Очень нервничал...

Раздались три удара в колокол, пароход дал протяжный гудок, казаки начали убирать трап..., и вдруг появился дядя Игорь, без винтовки, без фуражки, лохматый, вымазанный пороховым дымом... С палубы раздался крик дедушки: «Это наш сын!.. Это наш сын!». Казаки помогли Игорю перебраться на пароход по причальному канату, так как трап был уже убран. Игоря выручили ловкость и хорошая физическая закалка. Это было 22-го октября 1922 года, а 23-го Владивосток был взят красными.

В эмиграции

Дедушка

Через трое суток пароход подошел к одному из пирсов банды – шанхайской набережной. Шанхай поразил. Многомиллионный, многоязычный город. Бесчисленное множество судов, вдали небоскребы. Восточный Вавилон – чужой, непонятный.

В Шанхае дедушка стал директором русской гимназии, а дядя Игорь, плохо знавший английский, работал то переписчиком, то волонтером, немного зарабатывал рисованием (Имел большие способности, но не успел поступить в художественное училище). Потом дедушку пригласил в Мукден г-н Тарле, бывший его ученик. Дедушка возглавил там военный завод при правительстве Джанзолина. После военного конфликта дедушка уехал в Хайлар, где опять стал директором русской школы, а в конце 20-х годов переехал в Харбин к дочери Вере (моей маме). Занимался преподавательской деятельностью. Не помню, в каком году, вернулся в Шанхай, где стал директором Коммерческого училища.

Последние годы жизни уже не работал, жил у старшей дочери Зои. Ему предлагали возглавить колонию русских эмигрантов, которую до этого возглавлял генерал Вальтер. Отказался – не любил политики. Очень переживал поражения Красной Армии в начале войны с фашистами. Уже будучи тяжело больным, внимательно следил за ходом военных действий – большая карта военных действий висела над его кроватью. Когда у дедушки уже не было сил самому передвигать флажки, за него это делал сын Игорь. Дед боялся умереть, не услышав о победе. Бог ему помог (хотя дедушка был мало верующим), – умер он 9-го мая 1945 года. Дождался! Хоронило его множество людей, многие приехали из других городов.

Отпевал епископ Иоанн в Кафедральном соборе, похоронили на английском кладбище. «Мир праху твоему!» Дедушку любили все, у него не было врагов. Это был прямой, честный человек, все люди были для него равны. Он никогда не придавал значения ни своему происхождению, ни чинам. Был скромным и доступным. Ценил в людях ум и порядочность. Был любящим мужем и прекрасным семьянином. Все в нашей семье называли дедушку «ходячей энциклопедией».

Бабушка.

Бабушка родилась в 1871 году в Петербурге. Отец ее из знатной семьи казанских татар, юношей был увезен в Польшу, где его крестили, дав имя Константин, а фамилию Соболевский. В России был произведен в офицеры. Участвовал в обороне Севастополя, был награжден двумя орденами Св. Георгия, произведен в полковники. В Петербурге командовал 11-ым Изюмским гусарским полком. Женился на Любви Величко, предки которой были дворянами Полтавской губернии в Малороссии. Имел двух дочерей: старшую – Софью (мою бабушку) и младшую – Елизавету (бабушку Лилию). В доме жила гувернантка, которая занималась с девочками языками (в основном, французским), и учитель, готовивший девочек в Смольный институт.

В 11 лет бабушка пошла в первый класс, через два года – Лиля. Бабушка заболела, пришлось заниматься дома и экзамены сдавать экстерном в том же Смольном. Бабушка потом говорила, что заболела она не так легкими, как от тоски. Бабушка Лиля закончила Смольный и вскоре вышла замуж за Шумерского, будущего дипломата и генерала. Человек он был богатый. После свадьбы купил большой дом на Фонтанке и подарил его жене.

Молодые часто ездили за границу. Детей у них не было. В 1918 году успели эмигрировать через Сербию в Париж. В дороге у бабушки Лили украли баул с драгоценностями. (Баул она всегда клала под подушку, ложась спать. Видимо, подсыпали снотворное в чай или воду.) Это была большая потеря. Там были и фамильные драгоценности князей Шумерских. Но основной капитал у них хранился в швейцарском банке. В Париже Шумерские купили приличный дом, а вилла под Парижем у

них была куплена еще в 1914 году, перед первой мировой войной. Оба дожили до преклонных лет.

По сравнению с Шумерскими мои бабушка и дедушка были бедными людьми. Софию Константиновну с Владимиром Дмитриевичем Нарбутом познакомил и сосватал дедушкин кузен Володя Воячек, он же и внес за жениха перед свадьбой 5 тысяч рублей. (В те времена офицерам не разрешалось жениться до 25 лет, в противном случае надо было внести 5 тысяч – немалые деньги.)

С детства бабушка страстно любила лошадей, прекрасно ездил верхом в дамском седле. Нежно любила собак и кошек. Хорошо рисовала по фарфору, выписывая краски из Парижа, была искусной рукодельницей. Плохим в бабушке было то, что она не любила своих детей – рожала по необходимости, тут же отдавала их кормилицам. Одна ее фраза: «Дети и прислуга – наши враги», – говорит о несомненном отсутствии ее материнских чувств. Дети не знали материнской любви, правда, дедушка старался, как мог, компенсировать эту потерю, делая это тайно, так как жена ревновала его даже к детям.

Я знаю из Евангелия, что «мертвые сраму не имут» и что «не осуждай, да не судим будешь». Я пишу правду. Но наше с братом детство в эмиграции, в изгнании, было намного счастливее детства генеральских детей в России. Когда мы жили в Харбине, бабушка нам рассказывала, как она ездил верхом в царском манеже (Почему в царском? Тогда мы не спрашивали. Может, ее отец, кавалерийский офицер, имел какое-то отношение к манежу... не знаю.) на отменных орловских красавцах, гладила их, целовала, угощала сахаром и шептала на ушко стихи... Уверяла, что гнедая Кайса любила стихи Лермонтова, а серый в яблоках Монарх – Пушкина. Может, бабушке это только казалось... Но мы ей верили, так как сами очень любили животных.

Вернусь во Владивосток. Расскажу о бабушке и папе. Когда папа сделал маме предложение, она ему отказала – папа был намного старше, и никакого чувства она к нему не испытывала. Но папа был очень настойчив и хорошо знал истину: «Чтобы понравиться дочери, надо ухаживать за ее матерью». Он так и поступал: преподносил бабушке цветы, говорил любезности, восхищался ее рукоделием, говорил с нею только по-французски. И уж совсем завоевал бабушкину симпатию, подарив ей прелестного щенка – пекинскую болонку, дочку своей болонки Куклы. Бабушка назвала щенка Булечкой. Собачка была неразлучна с бабушкой 16 лет, пережив со своей хозяйкой все перипетии эмиграционной жизни.

У бабушки с моим отцом началась недолгая нежная дружба... А в это время влюбленный француз пугал Верочку, что застрелится, если она не выйдет за него замуж. Мама была верующая, ее сестра Кира верила еще крепче: «Разве можно брать на душу такой грех! – говорила она маме. Бог накажет». Бабушка тоже советовала выйти за Андрея Андреевича замуж, мол, «такое время... Будет защитник». Мама колебалась, а когда Андрей Андреевич клятвенно пообещал, что они после венчания будут жить как брат и сестра, согласилась. Через год родилась я, еще через год брат Георгий.

Конфликт между бабушкой и папой начался после моего рождения. Родилась я довольно уродливой: вместо глаз – щелочки, нос картошкой, но папе я казалась очаровательной. (Незадолго перед приездом во Владивосток, на Кавказе он потерял годовалую дочь и первую жену. Обе умерли.) Когда пришла бабушка посмотреть на свою внучку и сказала: «Фу, какая гадость!», – отец вспыхнул и дрожащим голосом сказал по-французски: «Вон из моего дома!». Взял ее за плечи и вывел. Воображаю, что было с бабушкой... Но, слава Богу, на отношение дедушки к зятю эта история не повлияла. Хотя их характеры были полярно противоположными, отношения были всегда добрыми и дружественными.

Бабушкина любовь к «очаровательному» французу тут же улетучилась, уступив место неприязни, если не сказать больше. Но так как оба они были людьми воспитанными, вражда их носила скрытый характер, но нет-нет да прорывалась в тонких насмешках, интонациях, вечной настороженности обоих. Это все чувствовали и замечали. К счастью обоих, им вскоре пришлось надолго расстаться. Бабушка никогда не работала, даже в эмиграции. Она всегда была «генеральшей», всегда за дедушкиной спиной. Черную работу (я имею в виду стряпню, мытье полов) не выполняла, не билась из-за куска хлеба, как большинство русских женщин, не ютилась по комнаткам, могла заниматься приятными делами: читать, вышивать, раскладывать пасьянсы...

После Булечки была Лилишка – уже не пекинская, а простая болонка, которую бабушка так же, как и Булечку, вечно носила на руках. За столом – на коленях, на прогулках – на поводке. Большим потрясением для бабушки была женитьба сына Игоря на «простолюдинке», как выражалась бабушка. «Сын Нарбутов... последний отпрыск... Наша фамилия, которая занесена в 6-ую книгу, еще до Готского Альманаха... Мезальянс! На какой-то немке из Поволжья... Ужас!..» Но никто, кроме

бабушки, «ужаса» не чувствовал. Амалию Александровну, оценив по достоинству, полюбили и стали ласково называть Алечкой. Мы, дети – тетей Алей. Когда дедушка в 1945 году умирал от рака пищевода, он признавал только тетю Алю, которая, как за ребенком, ухаживала за больным.

Наступил 1947 год. Семья распалась. Не было в живых главы – дедушки. Тетя Зоя с семьей уехала на родину мужа в Австрию, мама с мужем жили очень скромно, снимая одну комнату в бординг хаузе. Дядя Игорь с женой собирались в Союз. Бабушке пришлось ехать с ними в «Совдепию». Уехали они в августе 1947 года. От Находки до Свердловска ехали в теплушке. Вот где бабушка настрадалась! А потом – жизнь в бараке, рядом с нелюбимой невесткой, вокруг барака – «аборигены», большинство из которых – пьяницы, сквернословы... Воистину, Бог отвернулся от нее.

Летом 1948 года арестовали Игоря. В декабре того же года София Константиновна уехала с невесткой в Барнаул, к сестре тети Алечки. Жили в небольшом деревянном домишке, в тесноте. Бабушка с тетей Алей – в кухне, а пять человек – родных тети Али – в единственной комнате. По злой иронии судьбы бабушка болела и умирала среди чужих. Может, Господь за ее страдания простил ей ее прегрешения – вольные и невольные, – и даровал ей Царствие небесное. Ведь Бог всемилостив!?

Тетя Зоя

Судьба старшей маминей сестры, Зои, небезынтересна. Лицом и фигурой похожа она была больше на дедушку, характером – на бабушку. София Константиновна всегда учила дочерей: «Мужа надо держать под каблуком, но так, чтобы он не замечал этого, и чтобы ему это было приятно». Тетя Зоя следовала этим «правилам», а у моей мамы и у тети Киры – не получалось. Первый муж тети Зои, Николай Исаенко, офицер, воевал против красных. Попал в плен, был расстрелян. В тот же год она потеряла маленького сына Володю: гуляя с няней, ребенок съел кусочек мухомора, очень мучился перед смертью. Это двойное несчастье толкнуло тетю Зою на отчаянный шаг. Она уехала в Сибирь сестрой милосердия. Служила в III Сибирском корпусе, была знакома с Анной Васильевной Тимиревой – гражданской женой адмирала Колчака.

Когда Тимиреву арестовали, арест грозил и тете Зое, но в это время она познакомилась с только что освободившимся из плена солдатом австро-венгерской армии Фридрихом Купфером, который направлялся с другими «счастливчиками» домой после заключения мира с Германией через Дальний Восток во Францию, а уж затем в Австро-Венгрию. После всех русских передраг у бедного солдата кое-где вместо пуговиц торчали английские булавки, но это не помешало ему влюбиться в интересную сестру милосердия. Через пару дней он предложил ей руку и сердце. Она отказала. Рассказала ему о своих тяжелых потерях и о том, что ей может угрожать. Тогда Фридрих предложил ей заключить фиктивный брак, она согласилась.

Их встреча оказалась фатальной: Зою – спасла от ареста, а Фридриха – повернула в его странствиях на все 180°, на восток, в Китай. Впоследствии их брак из фиктивного стал настоящим, и очень надолго. Как и бабушка, тетя Зоя любила командовать, находясь за надежной спиной мужа. В 1920 году они уехали в Китай, в г. Шанхай.

В Шанхае русским эмигрантам жилось, пожалуй, хуже, чем в Харбине. Харбин был свой, русский, что-то вроде второй родины. Он был уютнее, как обычно бывают уютны провинциальные города. В Шанхае надо было быть предприимчивым, знать английский, а если ты женщина – быть молодой и сексапильной. Увы, не у всех были эти данные. Многие оказались «на дне».

«Город желтого дракона»... 75 национальностей проживало в этом городе, построенном на болоте. Субтропический климат, неимоверная жара с мая до октября. Москиты, сколопендры, скорпионы, без москитных сеток нельзя было спать. Кожная сыпь мучила людей летом. Жара была влажной, тяжелой. Город строили иностранцы, главным образом, англичане, зарабатывающие миллионы и миллиарды на торговле опиумом. Строили и американцы, и французы, и даже бельгийские монахи. (В одном из таких домов на рю Ляфаэт в апартаментах «Блэк-стоун» жила я с мужем и дочерью перед отъездом в Союз.)

Более ста лет Китай был полуколониальной страной. Вечные военные конфликты, частые наводнения – бич несчастного народа. А народ, действительно, был несчастным. Трудолюбивый, талантливый, а на деле – бесправный и нищий. До 1930 года в Шанхае китайцам запрещалось ходить по тротуарам на всех международных концессиях. Европейцы, американцы ходили по тротуарам, а хозяева страны – только у обочин. Европейцы ездили в трамвайных вагонах I класса, а китайцы во II классе. На воротах парков и стадионов висели таблички на английском и китайском языках: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Геноцид, да и только!

Через Австро-Венгерское консульство Фридрих Купфер связался с Веной, своим родным городом, где жили его мать и брат, через некоторое время получил документы доцента химических наук, деньги и благословение матери. Устроился в немецкую фармацевтическую фирму «Байер», а через год был назначен производственным директором большой фармацевтической фабрики «Американ Драг Компани» (с немецкими специалистами и оборудованием, но с американским капиталом).

В Шанхае на Nankin road была большая аптека «Коффа», да и в других больших городах были аптеки с таким же названием, продукцию которым поставляла лаборатория, где хозяйничал дядя Фриц. Ух, как там было интересно! Помимо лекарств лаборанты делали очень вкусные безалкогольные ликеры и даже шоколад из соевых бобов. Фабрика находилась на территории английской концессии на Ward road. Замечу, что эта улица славилась не только фабриками, но и шанхайской «Бутыркой» – большой, старой тюрьмой.

Купферам был предоставлен большой, двухэтажный особняк – кирпичный, в английском старом стиле, в личное пользование – казенный автомобиль с шофером, сад и огород, на котором ничего, кроме клубники, не выращивали. Было 8 человек прислуги, которым жалование платил дядя Фриц: в то время китайская прислуга была очень дешевой. Мне запомнились два садовника-китайца: «Купидончик» – оптимист, и «Диогенчик» – пессимист. Прозвища, данные им, очень точно соответствовали их характерам. Были две овчарки: Муза и Леда, с которыми дядя Фриц любил отплясывать чечетку «а ля Фред Астер». Собаки заменяли оркестр. Бабушка с тетей Зоей затыкали уши, а мне было смешно.

Дядю Фрица все любили, и он платил нам тем же. По-русски он говорил очень смешно. Был остроумен. Любил шутить русскими словами: за столом, предлагая горчицу, спрашивал: «Кто хочет огорчиться?», или «Кто хочет отчаяться?» – предлагая чай. Проезжая мимо русского клуба, лукаво спрашивал: «Почему клюп, а не умен?», а когда тетя Зоя на него нападала: «Ах, Фриц, ты такой неуклюжий, такой неряха!» – Фриц с улыбкой ей отвечал: «Зато ты, Соячка, такая клюшная, такая ряха!»

Безусловно, если бы не тетя Зоя и дядя Фриц, который помогал всем материально, семье Нарбутов жилось бы значительно тяжелее. Кончилась война. Китайский народ скинул с плеч многолетнее иго интервенции, самое тяжелое – японское рабство – было позади. А с белыми иностранцами китайцы стали расправляться по-своему, демократично: «Американец? Езжай в свои Штаты. Англичанин? Плыви к своим островам. Русский? Долго же мы тебя терпели. Айда туда, «где так вольно дышит человек». Ну а дядю Фрица, австрийца, послали с семьей в один из красивейших городов Европы – в Вену, ограничив багаж и валюту.

Уехали дядя Фриц, тетя Зоя и их сын Герман в далекую, полуголодную еще Европу. Прошло некоторое время, обжились, попривыкли. Только своего старшего сына Костю в Австрии так и не смогли найти – пропал парень в военной мясорубке. Воевал за Великую Германию, а его двоюродный брат – Юрий Добровольский, возможно, воевал в рядах Красной Армии, если не погиб в детстве. Я не писала о том, как Костя очутился в Австрии. Году в 27-м, когда мы жили в Харбине на Батальонной улице, к нам из Шанхая приезжала тетя Зоя со своим пятилетним сыном. Мальчик постоянно болел, был хилым и худеньким. Врачи сказали: «Если хотите, чтобы ребенок жил – увезите его в другой климат».

Другим климатом оказалась Вена, туда, к бабушке, и увезла его тетя Зоя. Костя там окреп, поступил в школу. В последнем письме (перед войной) писал, что вступил в юношескую фашистскую организацию... Так тетя Зоя потеряла и второго сына. Остался третий – Герман Фридрихович Купфер 1935 года рождения, мой кузен. Женат на немке. С ним мы не переписываемся. Дядя Фриц умер в конце шестидесятых. Тетя Зоя, с которой мы вели постоянную переписку, жила отдельно от сына (там так принято). В последние годы страдала *idée fixe* – писала мне отчаянные письма, будто бы какие-то «шпионы» портят ей розетки, радио, телевизор, подглядывают за ней, подслушивают... Она даже в полицию обращалась, но безрезультатно. «Шпионы» были только в ее больном воображении. Вот уже лет 7-8, как я не получаю от нее писем. Сейчас ей было бы 102 года.

Мама

«Живые закрывают глаза мертвым. Мертвые открывают глаза живым». Всю мудрость этой французской поговорки я ощутила после маминей смерти. Мы были далеко друг от друга, – она в США, я в России. Нас разделяло 11 часовых поясов. Но мои глаза (душевные) стали открываться. Мама была доброй и бескорыстной. Девизом ее жизни было: «Живи и не мешай жить другим». Сама

небогатая, она постоянно кому-то помогала, оставаясь в тени. Учила меня радоваться мелочам, довольствоваться малым, не бояться трудностей. Спасибо тебе, мамочка. Благодаря тебе я всегда чувствовала себя счастливой.

Пишу о маме... И вспомнились отдельные, известные мне эпизоды из ее ранней юности. Когда маме было лет 14, они жили в Петербурге на Большой Морской. Их сад вплотную соприкасался с садом японского консульства. Дети Нарбутов, играя, часто видели худенького юношу японца, наблюдавшего за их играми. И вот этот юноша прислал маме письмо; начиналось оно так: «Моя цветущая розовая сакура – Вера-сан!», а заканчивалось словами: «Мое тело делает дело, а душа с Вами, вокруг Вас...» Дедушка объяснил, что хотя по-русски это звучит смешно, но по-японски – нежно, поэтично... Мама перестала смеяться. Дедушка посоветовал ей почитать стихи древних поэтов Японии и Китая, и мама впоследствии очень любила эту поэзию. А дети – всегда дети. Они своей нечуткостью разбили сердце несчастного влюбленного: гуляя по саду, кричали: «Вера-сан, где твой жених, у которого тело делает дело?» И «жених» как в воду канул.

И еще знаю один курьезный случай: когда мама служила в Морском штабе, туда часто заглядывал молодой морской офицер (звали его Павлом, фамилию уже не помню), увлекавшийся акробатикой. Он стал ухаживать за мамой. Маме он очень нравился, она решила познакомить его с родителями. Бабушка дала разрешение, и Павел пришел. В передней снял шинель, фуражку, пошел с мамой в столовую, где за чайным столом сидели бабушка с дедушкой. Мама открыла дверь, и вдруг Павел встал на руки, ноги вверх... и таким образом прошагал какое-то расстояние на руках (Может, хотел будущим тестю и теще показать свое мастерство.) Бабушка была шокирована, после ухода Павла назвала его фанфароном и приказала дочери такого «циркача» больше в дом не приглашать. Мама чуть не плакала. Дедушка улыбался (Если бы не бабушка, наверное, он от души посмеялся бы).

В 1920 году, живя на Русском острове, мама вышла замуж без любви. Родила двух детей-погодок. После прихода красных перебралась во Владивосток. Жили очень бедно, папа с трудом находил кое-какую работу. Из портьер мама сшила себе юбку и блузку. За мешок керенок покупали мешок картошки, царские деньги не ходили. Трудно было с хлебом, огромные очереди... спасали фасоль и соя.

Осенью 1925 года договорились через хороших знакомых с китайцем, взявшимся ночью перевести семью за кордон. Все, что можно было, продали, сожгли все документы, связали самое необходимое в узелки. Тяжелым багажом были дети: я на папиной спине, брат – на маминой. Брат захныкал, я тоже, тогда нас припугнули: «Ведите себя тихо-тихо. За нами гонятся людоеды, если услышат – догонят и съедят». Помогло. Пицать перестали.

Дошли, вернее, еле дотащились до мелкой речушки, где ждала телега с двумя другими китайцами, первый куда-то исчез. Телега ехала по дну реки. Стало светать. Въехали на более глубокое место, все промокло. Ночь была холодная. Выехали на берег, потом еще через какое-то болото, там было еще холоднее. Опускался туман, китайцы сказали, что это «шанго» – хорошо. Когда телега остановилась, и китайцы сказали, что это Китай, мама с папой даже радости не почувствовали. Усталость была страшная, хотелось только согреться и заснуть.

Мама потом рассказывала, что у нее несколько дней непроизвольно тряслись руки. Вконец измученные родители добрались до станции Пограничная. Здесь мы с братом заболели кровавым поносом с высокой температурой. Приехали в Харбин, обосновались в Гандатьевке – самом отдаленном и дешевом районе, сняли маленькую комнату. Документы и вещи отсутствовали, не было мебели. Спали на раскладушках. Дети были не совсем здоровы, мама не доедала и не высыпалась, папа перебивался случайными заработками.

Однажды мама, уложив нас спать, с жаром помолилась о дне грядущем (в доме осталась только горсточка макарон). Утром, когда папа ушел, а мы еще спали, раздался стук. Мама открыла двум молодым женщинам с большой коробкой. Здесь живут д'Авогуры? Да, здесь. Вот, вам просили передать. Что, от кого?.. И пока мама стояла в растерянности, те ушли. В большой коробке оказались продукты и даже шоколад. За всю свою жизнь ни мама, ни папа так и не узнали, от кого это было. Может, Бог помог?..

Потом папа нашел работу, выручило знание языков (диплома на руках не было). Устроился во французскую автомобильную фирму «Ситроен». Переехали в Модягоу на Батальонную улицу, в трехкомнатную квартиру с парадным и черным ходом. Парадная дверь выходила на деревянную большую веранду, ступеньки которой спускались в сад, а черная дверь из кухни – во двор. Это первый дом, квартира и сад, с памятью о которых началась моя сознательная жизнь.

Стали читать, сначала по кубикам, потом по букварю. Было интересно. У брата память была

лучше, он быстрее меня начал считать, а будучи уже 11-12- летним реалистом, удивлял учителей своей способностью быстро в уме решать задачи. Был очень способным к математике, но математиком не стал. Закончил в Тяньзине два факультета: энергетический, по совету папы, и архитектурный – по призванию.

Детство у нас было счастливое, мы никогда не были обделены ни любовью, ни заботой. Мама, управившись с несложным хозяйством, выходила с нами гулять то на Хорватское шоссе, то в городской сад. По дороге рассказывала нам сказки, которые сочиняла сама. Многие из ее сказок я, став мамой, рассказывала своим детям. Это были замечательные сказки – грустные и поэтичные. Папа же, придя домой, после ужина любил сажать нас на колени и петь нам французские песенки. Я запомнила только одну: «Мальбрук в поход собрался», и еще много арий из оперетт. «О, Баядера!..» нам очень нравилась.

В моем детском воображении сохранился образ отца, веселого, шумного человека в аккуратном темносинем костюме и с неизменным белым платочком, торчавшим уголком из нагрудного кармана. От папы всегда так чудесно пахло дорогим мужским одеколоном и иностранным табаком «Лаки Страйк», которым он любил набивать трубку. Мы никогда не слышали, чтобы родители ссорились. Папа называл маму «Сюрисет» (по-французски – мышка), сам покупал ей платья и косметику. Иногда готовил, и часто вкуснее мамы. Мама не любила готовить. Не любила хозяйство, не шила, не вязала. Очень любила читать, много писала: письма по 10-12 страниц, стихи, вела дневники. Играла в шахматы (какой-то разряд у нее был). Все время что-то изучала, ходила в кружки: то в литературный, то в философский, то где-то изучала оккультизм и Иогу.

Дедушка говорил о маме: «У Верочки женственная внешность, а ум мужской». Мама всегда была монархисткой. В ее комнате висел портрет царской семьи в черной рамке. Она сочиняла патриотические стихи, которые иногда печатали в эмигрантских газетах и журналах. Мама предпочитала или мужское общество, или детское. Не любила женские сплетни, перемывание косточек и ханжество. Поэтому подруг, приятельниц у нее было немного. Но была одна – верный мамин друг.

В Киеве, в гимназии, где училась мама, в одном с ней классе, за одной партой сидела прелестная, веселая девочка Лида. Фамилия у этой девочки была необычная и красивая – Миронвиль-де-Санклер. Ее далекие предки принадлежали к древнему французскому роду маркизов. В тяжелом революционном 1794 году, спасаясь от гильотины, они были вынуждены эмигрировать в Россию, где и осели надолго, смешав французскую кровь с русской. Вся семья Нарбутов любила эту девочку. По счастливой случайности мама с тетей Лидой в эмиграции оказались в одном городе Харбине, а позднее – в Шанхае.

Тете Лиде не повезло с первым замужеством. Она вышла замуж по обоюдной любви за Владимира Круглика, статного красавца, бывшего подполковника царской армии, оказавшегося выпивохой, бабником и дебоширом. Родила трех сыновей и, промучившись несколько лет, развелась. Вышла замуж второй раз за приличного человека, с которым жила в Шанхае с двумя старшими сыновьями – Жоржем и Игорем, а младший сын Володя остался с отцом в Харбине.

Как и многим молодым русским, Володе пришлось служить в русском полку японской (манчжурской) армии. В 1945-46 годах, после разгрома Квантунской армии Володю со многими его однополчанами этапировали в Союз. Многих расстреляли, а остальных (в том числе и Володю) сослали в казахстанский лагерь, где он просидел до смерти Сталина. Маленьким Володя Круглик очень любил свою маму, ревновал ее не только к мужчинам, но и к женщинам, в том числе и к моей маме. Помню, в Харбине, когда взрослые собирались за столом и пели: Так за Царя, за Родину, за Веру Мы грянем громкое «ура»! Володя старался всех перекричать, переиначивая слова: «Так за Царя, за Родину, за тетю Верку...» Так ему было обидно, что поют «ура» не за его маму, а за тетю Веру. Тетя Лида была замечательна тем, что всю жизнь жила для других. Обожала своих детей, пестовала, баловала без меры, защищала... Всю себя отдавала семье и работе. В Шанхае работала медсестрой в госпитале Русского Православного братства, больные ее очень любили.

У тети Лиды и мамы характеры были очень разные, но дружба их была удивительно долгой и крепкой. Расстались они в 1949 году, когда многим русским эмигрантам пришлось покинуть страну, которая их приютила. У кого были возможности – уезжали в Австралию, Южную Америку, Канаду, на Филиппины... Только в США не пускали, но многие потом оказались там. Тетя Лида с мужем и сыновьями уехала в Австралию. Долго переписывалась с мамой, изредка писала мне в Свердловск, присылала фотографии. Сейчас ей было бы 100 лет.

Продолжаю о маме... Мне было 7 лет, когда родители развелись по обоюдному согласию.

Папа увлекся хорошенькой женой присяжного поверенного – Ниной (ни фамилии, ни отчества не помню), мама встретила Лелянова Николая Павловича – свою единственную большую Любовь. О нем напишу пару слов.

Его прапрадед пришел в Петербург из деревни в лаптях и с котомкой. Занялся мелкой торговлей. Прадед уже имел свою лавку, дед расширил торговлю, стал известным купцом, получил первую гильдию. Отец был городским головой Петербурга. Мать – дочь известных петербургских Елисеевых. Их дети получили превосходное образование: Николай Павлович окончил Кембридж, его брат – Сорбонну. Внешность Лелянова была аристократичной, он был хорошо воспитан, корректен, аккуратен во всем. Я помню его – высокого, худого, в белоснежных рубашках и с неизменной черной бабочкой, в которой он выходил даже к утреннему кофе.

Мама вышла за него замуж. На торжество пришел папа с букетом цветов. Поздравил, поцеловал ручку, перебрисился с «соперником» парой слов и ушел. Какое-то время папина пассия Нина жила у нас как папина жена. Папа хотел узаконить их отношения, но она вернулась к мужу и маленькому сыну, которого муж не хотел ей отдавать. Возможно, это и была главная причина ее возвращения в семью. Материнская любовь победила. Мама рассказывала, как за год до этого Нина с мужем пригласила их с папой к себе, на встречу Нового года. В самый разгар веселья (танцевали с бенгальскими огнями, потушив свет) отворилась дверь, и на пороге появился заспанный мальчуган, который сердитым голосом сказал: «Что за безобразие, ни нянков, ни горшков!..» Это и был их сынишка.

Разойдясь, мама с папой заключили союз: дети на первом месте, личная жизнь – на втором. Нас стали больше баловать, крепче любить. Нам это нравилось, было выгодно. Родители и в дальнейшем всегда уважительно говорили друг о друге в нашем присутствии. Мама была счастлива, похорошела, стала ласковой. Писала в те годы хорошие стихи – любовь вдохновляла. И к одному счастью неожиданно выпало другое: мама выиграла в лотерею 12 000 йен – в то время огромные деньги. О выигрыше стали писать в газетах, и не только в местных. Маму стали забрасывать жалобными письмами, и она не могла не помочь. Друзья давали дельные советы, но мама ими пренебрегла – большая часть денег ушла на благотворительность. Но все же она сняла большую квартиру, обставила ее, наняла кухарку и девушку Августину (из Прибалтики), которая не признавала обуви, и даже зимой бегала по двору босиком, а в Харбине морозы доходили и до 20о, и снегу выпадало изрядно. Мама выписала из Хайлара дедушку с бабушкой, и, к удовольствию обоих, Августина стала называть бабушку «барыней». Она порывалась и маму так называть, но мама запретила.

Папа в то время получил хорошую работу в Мукдене и уехал. Часто нам писал, посылал посылки со сладостями. Особенно мы любили английское печенье, покрытое шоколадом, в больших жестяных банках красного цвета. Из этих банок делали гаражи для игрушечных автомобилей, а у меня там и куклы наказанные сидели, вроде как в карцере. У нас с братом была приходящая бонна, которая занималась с нами английским и французским, а после обеда гуляла с нами, но ничего при этом не рассказывала, больше молчала или делала замечания. Мы ее не любили, она нас тоже (Мы были «почемучками», это ее, видимо, раздражало). Но взрослые относились к ней хорошо, часто приглашали сыграть в винт или преферанс. Много с нами занимался дедушка, приучая к более серьезному чтению, чем сказки. Читать мы очень любили, любили с мамой заучивать стихи – они нам легко давались. Мама учила нас танцевать, и это было весело.

Не помню, в каком году Леляновы уехали в Дайрен. Николаю Павловичу предложили место секретаря французского консульства. Консулом был Феликс Юрьевич Бриннер. С его племянником – Юлом Бриннером, голливудским актером, сыгравшим после главную роль в «Великолепной семерке», мы в детстве играли в лапту.

Дайрен – самый красивый город из всех, где мы жили. Мама впоследствии сравнивала его с Сан-Франциско. Японское море очень красиво... Приливы, отливы, золотой песок побережья, огненные медузы, разноцветные морские звезды... Там другой запах, другой воздух. Это был японский город со всей его спецификой: с японскими учреждениями, школами, храмами, прекрасными парками, населенный японскими семьями; названия улиц, бульваров, площадей были японские... Простые японцы – это милые, честные, удивительно чистоплотные люди, не пьяницы и не дебоширы.

Живя 22 года среди китайцев и японцев, я ни разу не видела пьяного. Был один курьезный случай: мы с мамой встречали Новый год у наших хороших знакомых. Утром ехали из Ракатана к себе в Нанзанроку в трамвае и проезжали холмистую местность, на которой были разбросаны уютные домики гейш – увеселительный квартал с въездной аллеей, в начале которой был гигантский павлин, весь сияющий разноцветными электрическими лампочками. Дело в том, что в Японии павлин имеет

одинаковое значение с нашим «красным фонарем». Трамвайная остановка была как раз рядом с павлином. На ней в трамвай вошел пожилой японец во фраке, в цилиндре, но в белых кальсонах, а на ногах – гэта (дощечка со шнуром) и белые таби (носки с одним пальцем, вроде варежек, но для ног). Он сел, положил обе руки на трость и задремал. После веселой ночи забыл, бедняга, надеть брюки и штиблеты... Смеха среди пассажиров не было, но многие улыбались.

И еще о пассажирах: в Японии места уступают только детям и солдатам, пусть даже молодым и сильным. Очень чтут солдат. А перед любым часовым останавливаются, снимают шляпу и кланяются. Часовой, в понятии японцев, олицетворяет самого императора. Японцы – народ стыдливый, но понятие о стыде у них другое, чем у нас. Если ты моешься или купаешься в общественном месте, стыдливость, как таковая, пропадает. В своих садиках – дворах японцы моются, раздеваясь донага, не обращая внимания на прохожих. На пляжах раздеваются у своих фурусиков – больших платков, натягивают купальники, все вещи, в том числе бумажники, часы, заворачивают в фурусики, сверху кладут шляпу, панаму или фуражку, а если таковых нет – камушек или ветку, и идут купаться, не боясь, что их вещи будут украдены.

А приходишь в баню – посередине касса, с левой стороны раздеваются женщины, с правой – мужчины. Никаких перегородок. На полу циновки, на них большие круглые корзины – выбирай любую. Из каждой раздевалки двери в банное отделение; посередине общий бассейн, с левой стороны – ступеньки для женщин, с правой – для мужчин. Вот японка с маленьким ребенком, вымыла его, подходит в правой стороне и кричит: «Терико-сан! Терико-сан!..». Прибегает муж, берет ребенка, устраиваясь тут же на корточках, пока жена моется. Или с правой стороны какой-нибудь старик кличет свою старуху или невестку – придти и помочь его вымыть. Банщики, все мужчины, снуют из одного отделения в другое. Сначала нам с мамой было как-то неловко, а потом привыкли.

И еще об одном случае. Однажды мама получила жалование, пошли мы с ней по магазинам. В один, в другой зашли, в продуктовый... Купили, что надо. А на утро мама обнаружила, что нет кошелька. Поискали... нет его. Пошли во вчерашние магазины, а там в каждом магазине, на каждом этаже – огромные корзины стоят специально для потерянных вещей. Перебрали одну, другую... и, наконец, нашли. Все деньги на месте. Подобных случаев было несколько.

Годы маминной жизни в Дайрене, по ее словам, были самыми счастливыми, но короткими. У Николая Павловича внезапно обострилась язвенная болезнь. Его положили в «Мантецу» – госпиталь на операцию, которую делал известный хирург-японец. Лелянов умер на операционном столе. Когда мама пришла домой, то увидела, что большое овальное зеркало, прочно висевшее все эти годы над туалетным столом, упало и разбилось. Мама страдала молча. Настоящее горе – тихое, без причитаний и слез. Мы в это время были в Харбине, все родные – в Шанхае, и тети Лиды не было с ней. Было только горе.

Из серебряного (мама его так называла) Дайрена пришлось уехать в грязный Шанхай, а летом 1937 года снова вернуться в Дайрен. Сначала мама жила в Шанхае у сестры Зои, а когда приехала я из Харбина, сняла комнату, метров 10-12 в бординг хаузе на ave. Joffer. Жили мы очень скромно. Питались один раз в домашней столовой, которую держали две сестры-гречанки. Завтракали и ужинали дома чаем и хлебом с маслом, а иногда – с маргарином. По воскресеньям из покупного теста жарили лепешки – это был праздник. Осенью я поступила в коммерческое училище, где директором был дедушка. Училище было интернатом с дортуарами, столовой, большим спортивным залом. Директору полагалась квартира и стол, за который дедушка немного платил. Зимой я жила у дедушки, а мама нашла работу в редакции журнала «Современная женщина». Жить стало легче.

В начале лета 1937 года тетя Зоя решила снять дачу в Дайрене, чтобы увезти своего младшего двухлетнего сына в более благоприятный климат. Сняла дачу у знаменитого генерала Саковича (чем был он знаменит, уже не помню). Дача была в Кагахаси – дачном предместье Дайрена, рядом с владениями атамана Григория Семенова, море было рядом. Мама была вроде экономки. Бедная мама, она так не любила готовить! Но не падала духом: «Ниц не зробишь» – «Ничего не поделаешь» – по-польски любила она говорить. Помогал ей бой – китайский мальчик, от которого толку было мало.

Я не помогала, с утра до вечера – в море и у моря. Подружилась с детьми атамана Семенова, ездила верхом на его лошадях, но это уже другая тема. Хозяин дачи решил поухаживать за мамой, но ничего у него не вышло. Он страшно обижался, жаловался тете Зое, сочинял маме стихи:

Ты идеал, и значит недоступна,

Ты недоступна – значит идеал.

Желать тебя безумно и преступно.

Любить тебя сам Рок предназначал.

Когда автора не было рядом, мама читала эти стихи вслух, взрослые посмеивались. Нам с Наташей, моей подругой, которая неделями гостила у нас, стихи очень нравились. Мы вздыхали в ожидании того времени, когда и нам будут сочинять такие же пылкие стихи.

В то лето 1937 года японская армия наступала на юг Китая, жестоко расправляясь с противником. Японцы подходили к Шанхаю, в котором жизнь шла своим чередом, хотя японцы уже заняли китайский город Ча-пэй по ту сторону реки Хуанту. Никто не обращал особого внимания на взрывы и пожары, на зловеще гудящие аэропланы. Надеялись: Шанхай – город иностранный, его защищали французы, англичане, русские волонтеры. Стало тревожно после 13 августа, когда на «Рейс-Корс» – ипподром японцы стали сбрасывать бомбы. В то время там скопилось множество китайских беженцев. Есть фотографии того ужаса, который заснял дядя Игорь, будучи волонтером. В конце лета японцы взяли Шанхай. Грабили и бесчинствовали в основном на бывшей русской и итальянской концессиях. Япэй и Нантао были превращены в развалины.

Особняк Купферов на Ward road был разграблен, Леда и Муза заколоты штыками, все юрии – антикварные вещицы – были порублены и разбиты, фигурки из слоновой кости, фарфоровые китайские вазы, позолоченные будды представляли собой жалкое зрелище. Даже в ваннных комнатах поразбивали, что смогли. Наш с мамой большой сундук и корзина с книгами, тетрадями, дневниками пропали, все бумажное было сожжено.

Дядя Фридрих и двое его лаборантов с семьями еще до разгрома успели переселиться на Международный сэтлмент, в верхнее помещение аптеки «Коффа», дядя Игорь с женой сняли комнату у мадам Леман, давней их знакомой. Дядя Игорь устроился во французский Волонтерский корпус, а тетя Аля – сиделкой в госпиталь. Дедушка с бабушкой жили на авеню Петэн в Коммерческом училище.

Приближалась осень. Море в Дайрене было еще теплое, но фосфориться перестало. Тетя Зоя заволновалась – ей не давали визу. На юге Китая все еще продолжалась война. С большими хлопотами через немецкое консульство дядя Фриц выхлопотал для нее разрешение на визу. Нам помочь не смог. Все мамины старания потерпели фиаско – мы остались в сарафанчиках и босоножках. Кормилица наша – тетя Зоя уезжала на «Дайрен-мару» – большом японском пароходе, на котором я плыла к маме в Шанхай. У тети Зои с г-ном Саковичем перед отъездом была большая передрыга, тот оказался непорядочным...

Наша неустроенность отнюдь не обескураживала маму, напротив, возникшие трудности ей хотелось как можно скорее преодолеть. Но одна она ничего не смогла бы сделать. Помогли люди: маму и Лелянова хорошо знали, многие были знакомы и с дедушкой... Вся эмигрантская колония Дайрена нам помогла. Столько вещей надарили... Мама потом просила: «Не надо больше!». У мамы оказалось 4 шубы, у меня – 2, а теплых кофточек оказалось столько, что пришлось раздавать.

Из Кагахаси переехали в город на Ямагато-дори к родителям моей подруги Наташи Медведевой. Мама у нее была пианистка, отец в прошлом писатель, литературовед. Наташа-школьница. Семья жила исключительно на заработки матери. Отец Наташи – самовлюбленный сибарит – нам с мамой не нравился, но, что делать, пришлось скрывать свои антипатии. Нам предоставили наташину комнату, Наташа спала в столовой на диване. Дружба требовала жертв. Пожили у Медведевых недолго. Маме подыскали уроки, мне помогли поступить в русскую школу. Конфуз вышел из-за японского: я, кроме пары десятков слов, счета и одного стихотворения по-японски ничего не знала. Помогла фамилия дедушки. Хоть мама и не афишировала ее, в некоторых случаях фамилия Нарбут выручала.

К языкам способностей у меня не было. Я знала английский только потому, что, живя в Шанхае, каждый день его слышала. Кстати, и маме, и дедушке языки давались с трудом. Мама с детства знала французский, а английский – очень плохо. Забегая вперед, расскажу, как мама, прожив в Америке пять лет, сдавала экзамены на гражданство США. Тогда не было тех строгостей, какие появились позднее. К той волне русской эмиграции относились с уважением и доверием. И все же надо было в присутствии мэра, судьи и главы эмиграционного комитета по-английски отвечать на все вопросы, затем дать какую-то клятву и что-то подписать. Первым стал отвечать мамин муж: он хорошо знал английский и громко, обстоятельно ответил на все вопросы. Его похвалили, даже поговорили о чем-то постороннем. Когда же наступила очередь мамы, она растерялась, покраснела, что-то залепетала... Выручил ее муж, прибегнув к маленькой хитрости – он сказал, что жена плохо слышит, и поэтому смущается, что, может быть, джентльмены позволят ему ей помочь...

Джентльмены позволили. Через пару дней они получили документы и стали гражданами Америки. Это было весной 1955 года, в день рождения моего сына, которому исполнилось 6 лет. У меня сохранилось письмо, где мама не без юмора писала о своей «победе».

Вернемся в Шанхай перед второй мировой. Я собиралась выйти замуж. Мама тоже. В то время за ней ухаживали двое: Андрей Иванович Вольский, пожилой вдовец, и Назаров – бывший морской офицер, довольно еще молодой, примерно маминого возраста. К обоим мама относилась одинаково. В жизни она любила только Лелянова, но одной становилась трудно, тем более, что я упорхала. Мама посоветовалась со мной: «Конечно за Вольского!» – сказала я. Мама так и поступила, и никогда не раскаивалась. Я его стала звать «Папоночкой». Мы с ним были большие друзья, и для мамы он стал надежным другом. Он был родом из Великого Новгорода, учился в Петербурге, дослужился до капитана. Женился, родилась дочь – Тамара. Воевал в армии Колчака, прошел весь «ледовый» поход. Путешествовал, вернее, скитался, пока не очутился в Шанхае. Вскоре умерла жена. Воспитывал дочь, дал ей приличное образование. Тамара была очень красивой женщиной. Вышла замуж за шведского консула в Шанхае.

После войны в Америке, в Сан-Франциско, он также был шведским консулом. Тамара выписала отца с женой в Сан-Франциско (вот почему они там и очутились), но вскоре случилась беда – Тамарин муж заболел – инфаркт. Уехали в Швецию, там второй инфаркт – и смерть... Вольские остались в Америке одни. «Ниц не зробишь», – стали привыкать, нашли работу, появились друзья. Опять эмигрантская жизнь, но уже в другой стране. Первое время оба скучали о Китае.

«Папоночка» умер в 1970 году в возрасте 92 лет. Скорбела мама в Америке. Скорбела я здесь, в России. Когда уходят из жизни хорошие, близкие люди, прежде всего жалеешь себя. Мне так не доставало его интересных, обстоятельных писем. Хотя мы с «Папоночкой» не так долго были вместе, но душевно были близки. Он писал, что любит меня, как родную дочь, и что по духу я ему ближе, чем родная. Тамара была умная, красивая, но холодная. Одно время мы с ней переписывались, потом переписка прекратилась. После смерти мужа мама решила поехать в Австралию навестить сына Георгия, с которым не виделась с 1945 года, а потом приехать в Союз к нам. В Австралию она съездила.

Папы не было уже в живых, он умер в 1958 году. Была жива папина жена – тетя Любочка. Георгий был женат, имел дочь и двух сыновей, которых вынянчила и воспитала тетя Люба. Д'Авогуры незадолго до этого переехали из Мельбурна в Сидней, где купили небольшой уютный дом в пять комнат (расплачивались 20 лет). Тетя Люба была прекрасной хозяйкой, любила чистоту и порядок, вкусно готовила. Она и меня многому научила в бытность нашу еще в Харбине.

Жена брата – Ава писала мне потом об отношениях мамы и тети Любы. Обе в душе страдали. Мама – от того, что Гига жил многие годы с мачехой, а не с родной с матерью. Тетя Любочка переживала, что вдруг Гигочка станет к ней хуже относиться. Ава писала, что обе старушки старались друг другу казаться в выгодном свете, стали за собой следить. Говорили друг другу комплименты: «Ах, Любовь Петровна, как вы сохранили такие волосы и свежесть кожи?» – «Что вы, Вера Владимировна, я гораздо старше Вас выгляжу, а вот как Вам удалось сохранить хорошую фигуру?» И так каждый день... Особенно при посторонних.

Но помогать тете Любе мама не стала, а ходила в парикмахерскую и даже пару раз в косметический кабинет. Так писала Ава. Мама писала о другом, а тетя Любочка стала писать немного иные письма, чем раньше, в них чувствовалась какая-то затаенная обида. Почему-то в пяти комнатах стало тесно, и мама сняла комнатку в русской семье недалеко. Но не прожила даже месяца, уехала обратно в Америку.

К нам мамочка так и не приехала – отговорили друзья. Переписывались, пока она не заболела. Были бы у меня деньги, я непременно бы к ней приехала. Умерла мама 5 мая 1991 года в возрасте 94 лет. «И длится, длится человеческое детство, куда мама на земле живет...» У меня уже было пять внуков, но мое человеческое детство кончилось только после маминной смерти.

Тетя Кира

Совсем иная судьба, чем у старших сестер, выпала на долю младшей дочери Нарбутов – Киры. Она родилась в Петербурге в 1900 году. Из всех детей это была самая спокойная и послушная девочка. С детства много писала, сочиняла, вела аккуратный дневник, мечтала стать писательницей. Помогала братьям писать сочинения, в гимназии по всем гуманитарным предметам имела пятерки. За сочинения – пять с плюсом. Мечтала пойти на историко-филологический факультет. Помешала революция.

В 1921 году вышла замуж за Павла Добровольского, юриста по образованию. Павел воевал в добровольческой армии, жили во Владивостоке. Через год родился сын Юрий, названный в честь утонувшего брата. Когда Владивосток был взят красными, многим из белых офицеров, по каким-то причинам не покинувшим город, чтобы спасти свою жизнь, приходилось одеваться в штатское, отращивать бороды, «превращаться» в пролетариев, но их все равно узнавали, ловили и расстреливали без суда.

Павлу пришлось очень трудно, а Кире особенно: ребенок грудной, муж скрывается, из родных только сестра Вера, да и у той двое маленьких детей и муж похож на буржуя. Как ни скрывался Павел, его поймали. Принимали скудные передачи от жены, хотя он был уже расстрелян. Об этом узнали позднее. После гибели мужа Кира уехала в Казань к его родителям.

В 1937 году жила с сыном в Ашхабаде. В том же году родные в Шанхае получили ее последнее письмо, где она убедительно просила ей не писать. Кто-то все же написал. Ответа не было. Впоследствии ее брат Игорь, наводя справки, узнал, что Кира была репрессирована и погибла в лагерях. О судьбе ее сына Юрия вообще ничего не удалось узнать. Вероятнее всего, он погиб во время войны, или в лагерях, может, и фамилию сменил...

Дядя Игорь

Дядя Игорь был «рыцарем без страха и упрека». Колотила его судьба, колотила, но выколотить рыцарство не смогла. Мало у нас в XX веке Дон-Кихотов, но, оказывается, все же были. Один из них – мой дядя и крестный отец Игорь Нарбут. Нелегкая у него была судьба, зато характер легкий. Родные часто ему говорили: «Игорь, ты легкомысленный!» – «А что, разве лучше быть тяжелодумом?» – спрашивал он. Его любили мама, дядя Фриц и «Папоночка», дети просто на нем висли. Остальные относились с прохладцей, а бабушка не любила. В детстве он был кудрявым, хорошеньким ребенком, когда они с няней гуляли по Невскому, многие прохожие останавливались полюбоваться мальчуганом.

Однажды встретили пожилого господина, который остановился перед ними, даже присел на корточки, внимательно разглядывая Игорька. Спросил у няни, чей это мальчик и где живут родители. Потом оказалось, что это был один известный портретист, которому этот кудрявый мальчик мог бы послужить моделью. Не знаю почему, но «натурщиком» Игорек так и не стал. Еще в дошкольном возрасте Игорь перенес тяжелый менингит. Болел долго, чудом спас его от смерти дедушкин кузен – Владимир Воячек, тогда еще молодой, но подающий надежды врач - отоларинтолог (крестный отец мамы и погибшего Юрия).

Воячек был умен и упорен. Несмотря на происхождение, ему удалось учиться дальше и при Советской власти. До начала Великой Отечественной войны он был уже профессором, начальником Военной Медицинской академии в Ленинграде. Проработал в ней всю жизнь и прожил в доме недалеко от академии больше шестидесяти лет. Только на время войны он был вынужден эвакуироваться с академией в Ташкент.

Мы были у Воячека в гостях в 1968 году. Я была удивлена его «засекреченностью»: надо было сначала зайти в академию с паспортами в I отдел, расписаться, потом сесть в черный автомобиль, который проехал всего-то небольшой квартал. Встречал нас секретарь, потом опять какие-то формальности, и только после этого нас пустили в кабинет. Позднее, перечитав о нем книгу «Сердце врача», я поняла, каким нужным он был человеком. Он работал в области космонавтики и разработал особый аппарат для наших космонавтов.

Но вернемся к Игорю. После болезни он стал плохо расти, появилась косина одного глаза. Слава Богу, на способности болезнь не повлияла, но память стала плохой. В кадетском корпусе учился на «3» и «4», в аттестате имел только 4 «пятерки». Помню, говорил мне, что по рисованию и гимнастике всегда имел высшие оценки. Рисовал очень хорошо, особенно животных. Писал углем портреты, но в художественное училище поступить не смог, время было не мирное. Так и остался самоучкой.

Вспомнился мне один случай. Когда Игорь жил в Шанхае на территории французской концессии, на главной улице был писчебумажный магазин, в который Игорь время от времени сдавал на комиссию свои рисунки в скромных деревянных рамках, которые по дешевке заказывал в китайском городе Нантао. Мы с мамой тоже часто заходили в этот магазин.

Во время войны магазин разделили на две части, из одной большой сделали две двери. Одна витрина принадлежала русскому хозяину, другая – немцу. В немецкой витрине повесили большой

портрет Гитлера и огромную карту Советского Союза, на которой красными флажками отмечались те города, от которых отступала Красная Армия. В русской витрине были разложены книги эмигрантских писателей и канцелярские товары. Понятно, что много любопытных останавливалось у немецкой витрины, а в ноябре-декабре 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, у витрины собиралась целая толпа. После перелома в войне и победы наших войск под Сталинградом такая же большая карта Союза, такие же флажки и портрет Сталина появились и в русской витрине. В 1944 году из немецкой витрины убрали карту Советского Союза, а в русской появилась карта Европы. Публика сделала три шага влево к русской витрине, и теперь там начала собираться толпа. В начале 1945 года портрет фюрера был снят, в витрине появились салфетки и туалетная бумага. Встречаясь с нами на улице, знакомые немцы уже не спрашивали с усмешкой: «Ну, как там ваши русские Иваны?» – теперь мы их спрашивали: «Ну, как там ваши Фрицы?..»

Продолжаю об Игоре. В Омске в 1919 году он был произведен в юнкера, приехал к родителям во Владивосток. На Русском острове занимался гимнастикой с младшими кадетами. Когда меня крестили, был моим восприемником. Под Владивостоком храбро дрался. С родителями очутился в Китае. В конце 20-х познакомился и подружился с Константином Радзоевским – главой русской фашистской партии, был у него на свадьбе шафером, но, слава Богу, фашистом не стал. Но борьбу против Советов вел: переходил два раза китайско-русскую границу с револьвером и антисоветскими прокламациями, раздавал их крестьянам. Мог бы попасться, но Бог миловал. Разошелся во взглядах с Радзоевским, уличив того в непорядочности и популизме, а когда после войны прочел в газете, что Радзоевского, атамана Семенова и других повесили в Союзе, не очень-то и горевал.

В 1932 году он женился на Амалии Александровне. Несмотря на то, что она была старше его на несколько лет, прожил с ней в любви и согласии 40 с небольшим лет. Лелянов был шафером на их свадьбе, а мама – как бы посаженной матерью. Снимали приличную комнату в казенном доме бывших служащих КВЖД. Игорь работал драгомиром в китайской строительной фирме, Амалия Александровна подрабатывала дома шитьем.

Летом 1932 года в Харбине было большое наводнение, Сунгари вышла из берегов и затопила всю Пристань – престижную часть города. Игорь с добровольцами бескорыстно помогал людям переправляться через реку, спасать скот и имущество. Уставал он очень, от гребли на руках вздулись пузыри, ноги были постоянно в холодной воде. Чуть не поплатился жизнью – заболел крупозным воспалением легких, две недели лежал без сознания, с очень высокой температурой. Два месяца провел в больнице, а когда разрешили ходить, не мог сделать и пару шагов, пришлось заново учиться.

После наводнения началась эпидемия холеры, ловили китайцев на улицах и насильно делали прививки. Русские сами шли в медпункты. Открывались больницы, медпункты, бесплатно раздавали дезинфекционные средства и лекарства, на всех дорогах в город были разложены мешки с опилками, политыми карболкой.

В этой невеселой ситуации Игорь стал работать в комитете помощи пострадавшим, и тоже бесплатно. Манчжурия в те годы была оккупирована японцами и называлась Манчжу-Ти-Го. О том времени можно написать очень много. Русским жить в Манчжурии становилось все хуже и хуже. У Игоря и Амалии Александровны денег ни на визу, ни на билет на пароход не было, они украдкой от тети Зои написали дяде Фрицу, и он выслал деньги. Собрали пожитки, сели на голубой экспресс «Азия», доехали до Дайрена, там на пароход – и в Шанхай. Первое время помаялись: специальности не было, языков (английского и китайского) не знали. Пришлось опять обращаться к Купферам. Дядя Фриц устроил деверя на фабрику – начальником упаковочного отделения, где китаянки, сидя за длинными столами, упаковывали лекарства и наклеивали этикетки. А Амалию Александровну тетя Зоя устроила у себя экономкой, уволив повара и няню. (Тетя Зоя одна из всей семьи была скуповата и очень практична.)

Среди русских эмигрантов в Шанхае и, особенно, в Харбине было немислимое количество партий, группировок, движений. Самым большим и популярным был Российский Общевоинский Союз (РОС), членом которого стал дядя Игорь. Он рисовал плакаты, писал воззвания. Подружился с Игорем Лундстремом, родным братом знаменитого джазмена Олега Лундстрема. Тогда оба они были молодыми музыкантами и только что организовали джаз-оркестр братьев Лундстремов.

Началась вторая мировая война, и эмиграция разделилась на две группировки: одни ждали скорой победы Германии, другие переживали поражения Красной Армии. К последним относились все Нарбуты и Купферы, даже монархистки бабушка и мама хотели, чтобы победила Россия. Все женщины на Ward road начали вязать теплые носки, варежки, покупали табак, мыло и через какой-то комитет, инкогнито, посылали в Советский Союз. Тете Зое делать это было опасно: все высшее

начальство Купфера было нацистским, и их жены обязаны были вязать для солдат Великой Германии. Тетя Зоя для них не вязала, мотивируя свой отказ якобы болезнью глаз.

В сознании русских эмигрантов представление о Союзе как об империи Зла стало постепенно ломаться. Патриотизм дяди Игоря заметно «порозовел», он стал читать советских писателей, с пафосом декламировал стихи Константина Симонова, когда вся семья собиралась в гостиной. Стихи всем нравились.

В конце войны Игорь каждый week-end приезжал к нам на велосипеде. Бедная тетя Аля даже в выходные работала. Мама с мужем и я с семьей жили тогда на французской концессии. Собирались мама с «Папоночкой», наши друзья – супруги Кольцовы, иногда «вырывался на свободу» и дядя Фриц. Бывала и красивая Тамара, дочь «Папоночки». За столом было шумно и весело, острили, – особенно отличались дядя Фриц и «Папоночка», да и Игорек тоже. Много смеялись... Дядя Фриц называл нашу компанию «Клуб чепухинцев», председателем которого выбрали его. Он всегда спрашивал нас: «Что лучше: болтать глупые мудрости, или мудрые глупости?» Все предпочитали второе. В России гибли люди, лилась кровь, народ испытывал трудности, а мы за границей веселились. Стыд пришел позже.

Конец войны. В городе японцы ввели комендантский час. Сводки Совинформбюро слушали тайно, по ночам. Кончились страхи, а ведь так боялись, что не сегодня-завтра японцы начнут наступать на Приморье и дальше... Атаман Семенов был наготове, в Сибири он должен был стать вторым Пу-И. Русские к Семенову относились, в основном, негативно.

Небывалый энтузиазм охватил большую часть русской эмиграции. Проснулись светлые чувства: патриотизм, гордость, сознание кровной связи с русскими из Союза. Имена военачальников, маршалов, героев не сходили с уст. Даже «Хозяин» (так называли Сталина) казался подобрешшим...

После подписания акта капитуляции на крейсере «Миссури» 3 сентября 1945 в Союзе был объявлен день победы над Японией, но в Китае отдельные японские отряды еще долго «пошаливали».

Освободившись от японской оккупации, Шанхай опять стал шумным и многоязычным. Возвращались американцы, англичане, бельгийцы, возобновлялась ночная жизнь. Мадам Джан-Кай-Ши давала приемы, приплыл на военном эсминце из Японии главнокомандующий генерал Маккартур. Однажды я совершенно случайно видела с балкона Палас-отеля, как из лимузина вышли мадам Джан в строгом черном платье и накинутой на плечи чернобурке и Маккартур в шортах цвета хаки и в шлеме на голове. Было забавно наблюдать такой контраст в одежде.

В Шанхае много было и веселого, и трагического... Мы с дядей Игорем часто ездили на велосипедах по всему Шанхаю, жадно впитывая в себя всю специфику этого города-гиганта, особенно ту его послевоенную жизнь... Вот несут огромного огнедышащего дракона. Он плывет над толпой, извивается, с двух сторон на нем написано: «Издыхающая Япония». Прохожие в восторге. В дракона летят палки, гнилые фрукты и камни. Наконец пламя в его пасти затухает, тело дергается в предсмертных муках, падает. И тут начинается: не только дети, но и взрослые китайцы топчут поверженного врага.

Опять на Международном Сеттлменте, на перекрестках больших шумных улиц на специально устроенных бетонных возвышениях стоят красивые индусы-регулировщики в желтых мундирах и белых чалмах (без них Шанхай – не Шанхай). На паркинговых площадках снуют бойкие китайчата, которые за небольшую плату охраняют автомобили. Могут и помыть, если больше заплатишь. Опять появились белозубые чистильщики обуви, в войну их было меньше. Запахло горячими каштанами. По вечерам вереницы рикш катят на Лов лэйн разодетых и искусно подкрашенных жриц любви.

На французской концессии из солдатских казарм раздавались голоса советских певцов, в кафе и ресторанах можно было услышать голоса Шульженко, Бернеса и других. После войны тысячи эмигрантов атаковали Советское консульство. Эйфория захлестнула русскую эмиграцию, кто еще упорствовал в начале войны, сомневался – не устоял. Быстро стали распространяться стишки, частушки...

На Банде бьют куранты,

Толпой репатрианты

Штурмуют наше консульство с утра,

А нос от счастья сизый,

Пришли они за визой,

Вернуться всем на Родину пора.

Все уезжающие были разделены на пять очередей. В августе 1947 года началась репатриация первой очереди, в которую попал дядя Игорь с женой и матерью. Проводы были торжественные. Протоиерей отец Рогожин благословлял крестом всех уплывающих, кропил святой водой людей и пароход. Были, правда, и такие возмутителя порядка, которые с большими плакатами «Хрен редьки не слаще!» грозили кулаками и кричали: «Соловки вас ждут!» – и тому подобное. Дядя Игорь радовался больше тети Али и бабушки. Суетился, бегал, запаса кучей серпантинных рулончиков, еще на пристани, целуя всех, заплакал (наверное, от радости, а не от расставания).

Ехали в неведомое, но без страха. И многие в России взошли на свою Голгофу. «Папоночка» предупреждал дядю Игоря о том, что его может ожидать в Союзе, но тот не верил, ведь сам советский консул Халин ему сказал, что «все прошлые грехи за давностью лет прощаются». Дядя Игорь всегда верил людям, потому что сам никогда не врал.

Нарбуты получили в Находке назначение в Свердловск. Везли людей, как скот, в теплушках, и стариков, и детей. (Когда я с четвертой очередью поехала в Союз, стариков и матерей с детьми везли уже в экспрессе «Владивосток-Москва».) В Свердловске дядя Игорь пошел на Паровозоремонтный завод учеником токаря, хотя в Шанхае он перед отъездом закончил курсы бухгалтеров и имел об этом документ. Жили в общем бараке без перегородок и дверей 10 семей. Загородились ширмами, простынями, одеялами, кто как мог. Кухни не было, уборная на улице, на весь барак два небольших железных умывальника.

Летом 1948 года дядю Игоря арестовали на работе. Привели в барак, произвели обыск, забрали альбомы, письма, книги. Увезли на ул. Челюскинцев в подвал Управления железной дороги. Через месяц с конвоем этапировали в Москву, около года продержали сначала на Лубянке, потом в Бутырке. Судила «тройка». Обвинили в контрреволюционной деятельности с целью свержения Советской власти, по ст. 58, п. п. 4, 6, 10, 11. Должны были расстрелять, но заменили 25-ю годами.

Когда следователь объявил, что Игорю дали 25 лет, тот ухмыльнулся и сказал совершенно спокойно: «Только-то!» – чем привел в ярость «служителя Фемиды». Весной 1949 года Игоря отправили в Воркуту. Не буду описывать то, о чем он впоследствии нам рассказывал. Судьбы этих несчастных так похожи одна на другую. Скажу только, что освободившись в 1957 году, приехав к жене, а потом в гости к нам, он не был озлоблен. За 8 лет многое понял, многому научился, его добрая натура и легкий характер очень ему помогли.

Игорь не был душевно сломлен. Чего нельзя сказать о его жене, она была надломлена и физически, и нравственно. К букету ее прежних заболеваний прибавился еще и диабет, протекавший в тяжелой форме. Без инсулина не могла жить. Страшно стала ревновать Игоря к сослуживицам и соседкам. Когда мы перед ее смертью приехали в Барнаул в отпуск, тетя Аля говорила мне, что боится умереть, что хотела бы, чтобы и Игорь умер. Было тяжело это слышать.

Похоронив жену, дядя Игорь остался в Барнауле «дорабатывать» до пенсии на Меланжевом комбинате, где работал художником-оформителем. У него было много друзей и среди родных тети Али, и среди сослуживцев. В середине семидесятых нам удалось найти для него обмен жилья. Он поменялся комнатами со старушкой, сын которой жил в Барнауле. К обоюдному согласию вся процедура прошла быстро и хорошо. Оба оставили друг другу кое-что из вещей, мебель, посуду, обменялись холодильниками и стиральными машинами. В общем, все получилось удивительно ладно.

В Свердловске Игорь жил на Уралмаше, недалеко от нас, занимался в «группе здоровья», хотя ему было далеко за семьдесят. Ходил с нами на дальние лыжные прогулки, мы его брали на озера Балтым и Шарташ. Загорал, плавал. (Плавать он научился на Русском острове, и в молодости переплывал Сунгари.)

В 1981 году он женился. Ему было 79 лет, а невесте – 58. Сосватала его женщина из «группы здоровья» за свою приятельницу – Феодосию Виссарионовну, такую же одинокую и бездетную. Прожили лет 5-6. Потом жену парализовало после инсульта. Около года лежала. Дядя Игорь за ней самоотверженно ухаживал. Мы с мужем два раза в месяц приходили помочь ее вымыть, а вся тяжесть ухода за больной легла на плечи Игоря. Всегда чистенькая, ухоженная, накормленная, она всецело зависела от него, а он прилагал все силы, чтобы она меньше мучилась.

После смерти Феодосии Виссарионовны у дяди Игоря случилось что-то с позвоночником. Согнулся, стал ходить с палочкой. Но был все такой же жизнерадостный, гостеприимный, добрый.

Раздарил соседкам и племяннице жены все ее вещи, а правнучке (нашей внучке) Анне подарил хорошую шубу и золотое кольцо. К вещам он относился так же, как и мама, – ненавидел накопительство. Часто бывал у нас. Ни один праздник, юбилей или просто день рождения не проходил без его присутствия. Он был всегда аккуратно одет, вежлив и весел. Всем замужним дамам целовал руки, говорил комплименты. Наши дети и внуки называли его «ходячим анахронизмом», а он был просто человеком прошлого века. Интеллигентным человеком из хорошей семьи...

Эта работа была опубликована во 2-м и 21-м выпусках сборника трудов УГО «Сплетались времена, сплетались страны...»